

"Трансформация понятия «гражданство» в глобальном мироустройстве"

Елизова Людмила Александровна

E-mail: filosofmil@gmail.com

К числу наиболее актуальных проблем в глобализирующемся мире относится проблема неоднозначности трактовки понятия «гражданство» в различных социально-философских концепциях, что предполагает исследование данного понятия во всей системе общественных отношений. Для изучения гражданства как социального отношения уже намечено множество предпосылок в работах отечественных и зарубежных исследователей. Так, Б. Г. Капустин пишет: «Гражданство – образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека» [1]. Он ставит под сомнение, определение гражданства через совокупность прав, поскольку по его убеждению, гражданство – это не только юридическое отношение, но и отношение моральное. Бытие гражданина включает в себя не просто обладание определенными свободами и привилегиями, но и осознание своей принадлежности к конкретному политическому сообществу, что в свою очередь, ведет и к определенной моральной ответственности и в целом, к некоей социально-культурной принадлежности. Определенность гражданства как социального отношения «отображается в действующем праве и в других специфицирующих его социальных нормах» [2]. В соответствии с этими правовыми и внеправовыми социальными нормами разворачиваются не только внешние, но и внутренние отношения и связи гражданства как социального явления. Об этом пишет и французский философ Э. Балибар: «...необходимо, чтобы «внешние границы» государства являлись также его «внутренними границами», или – что то же самое – чтобы внешние границы все время считались проекцией и протекцией внутренней коллективной идентичности, которую каждый несет в себе самом и которая позволяет обживать время и пространство государства как место, где всегда были и где всегда будут «у себя дома» [3]. Другими словами, до того, как индивиды станут воспринимать себя представителями какой-то одной нации в пределах конкретных исторических границ, они уже будут «включены в процесс унификации, который предполагает образование особой идеологической формы, являющейся одновременно массовым феноменом и феноменом индивидуализации, реализовывать «превращение» индивидов в субъекты», гораздо более мощное, чем простое усвоение политических ценностей – или скорее, интегрирующее это усвоение в более элементарный процесс – процесс закрепления чувства любви или ненависти и «репрезентации» я» [4]. М. Кастельс и М. Миллер констатируют существование четырех моделей гражданства, распространенных в западных странах. Данные четыре модели, или стратегии, определяются как иллюзорная, исключаящая, республиканско-имперская и мультикультурная. Первая стратегия предполагает иллюзорное отношение к иммигрантам, намеренное пренебрежение к иммигрантским общинам. Вторая стратегия – исключаящая – модель этнического национализма, в которой основу гражданства составляют родственные отношения, этнический и лингвистический статусы. Эта стратегия преобладает в Швейцарии, Германии и Бельгии, куда иммигранты приезжают в основном по строго регулируемым гостевым рабочим программам. Официально признанный легальный статус иммигрантов, тем не менее, ниже статуса коренных граждан принимающего государства. Вероятность натурализации и получения гражданства очень ограничена, а официальные и неформальные культурные контакты между иммигрантами и местным населением неравноправны и сдержанны. Республиканско-имперская стратегия предполагает сложную смесь разных моделей гражданства. В данной модели гражданский статус в первую очередь определяется местом жительства, а отнюдь не национальностью. Она

допускает более мягкий переход от статуса иммигранта к статусу гражданина, чем предыдущая стратегия. Республиканско-имперская модель наиболее характерна для ситуации с мигрантами второго поколения, родившимися в стране, куда переехали их родители, а также с гражданами бывших колоний, которые прибыли в метрополии на более приемлемых условиях, нежели простые иммигранты, хотя и не на таких благоприятных, как гостевые рабочие. В этом случае национальная принадлежность уже не является ограничительным фактором. В данной модели признается взаимодействие между культурами и обществами, как метрополий, так и колоний. Однако культура и менталитет метрополий остаются доминирующими. Подобной стратегии придерживаются Великобритания, Франция и, в определенной мере, Нидерланды. Четвертая — мультикультурная стратегия гражданства. Это такая модель, при которой, как правило, миграция становится постоянным явлением, а получение гражданства переселенцам гарантировано. Данная стратегия «в идеальной форме предполагает цивилизованный национализм, при котором друженственно сосуществуют разнообразные национальные идентичности и прежние культуры иммигрантов «переплавляются», переосмысливаются и изменяются под влиянием новых волн иммиграции. Такая модель получила название идеальной» [5]. Авторы рассматриваемой модели, имеющей место в основном в США, признают асимметричность власти и законности, обусловленную доминированием культуры белых над множеством других культур и групп (испанских, африканских, азиатских). Кроме США, эта модель в настоящее время существует в Канаде, Австралии и Швеции. Данные модели «непосредственно зависят от государственной политики в целом, характеризуют отношение общества и государства к проблемам гражданства и национальной идентичности» [6]. Они формируются и в определенном общественном контексте: в условиях конкретной иммиграционной, образовательной, культурной политики, а также политики натурализации. «Идеальную» модель гражданства поддерживает современный философ С. Бенхабиб. Она утверждает, что «мы уже вступили в новый мир, где государствам придется иметь дело с завершением эры унитарного гражданства, что проявляется в мультикультурных движениях, включающих в себя появление новых игроков, участвующих в формировании будущего» [7]. Автор выдвинула предположение, что «в настоящее время мы являемся свидетелями «эффекта расщепления» института гражданства, вследствие чего три измерения гражданства (коллективная идентичность, политическое членство и право на социальные гарантии) утрачивают связь между собою» [8]. С. Бенхабиб также отмечает, что: «...территориальное деление и государственные границы не совпадают с пределами морального сообщества. Они могут возникать там и тогда, где и когда люди способны повлиять на действия и благополучие, интересы или идентичность друг друга. Границы морального и политического сообществ не совпадают, ведь то, что мы должны друг другу в силу принадлежности к человеческому роду, нельзя сводить к тому, что мы должны друг другу как граждане одного государства...» [9]. В результате можно выделить такой аспект данной проблемы, как «культурное гражданство», которое формируется на стыке следующих явлений: 1) глобализация в западном обществе порождает все более космополитические культуры; 2) по-настоящему космополитическая культура может сформироваться только при условии реформирования национальных культур; 3) в современную эпоху не должен прекращаться поиск составляющих коллективной и индивидуальной идентичности; 4) зрелая идентичность может возникнуть только на основе осмысленного отношения субъекта к истории, природе, другим явлениям и событиям. Тем самым «культурное гражданство» в результате всех процессов стало своего рода «образованным демократией участия» [10]. Например, те же мультикультуралисты выступают за плюрализацию культурных идентичностей. Таким образом, глобализация ставит человечество перед фактом трансформации ставших традиционными понятий «гражданство», «нация», «идентичность» и т.п.

Эти изменения совместимы с философски адекватным анализом происходящих перемен, для исследования которых должны быть выработаны соответствующие методологические подходы.